
Пищевая
вертикаль
Марк Шлак

Марк Шлак
Пищевая вертикаль

https://litres.ru/74710033
SelfPub; 2026

Аннотация

На самом низу, в пропитанных гарью бетонных колодцах Отстойника, люди работают до полного увядания жил. На самом верху, в недосягаемых садах, бессмертные хозяева пьют чистую жизнь. Между ними гудит Главная Артерия — четырехметровая чугунная кишка, качающая добытую внизу влагу наверх.

Корв-4 — шестеренка этой системы, уставшая вовремя выносить приговоры. Кармина — испуганная птица из высшей клетки, рухнувшая в преисподнюю после того, как увидела истинное лицо хозяев мира.

Когда цепь срывается, им остается только бежать. Но как выжить в мире, где за каждым твоим шагом следят датчики, в спину дышат слепые ищейки, а в лимфе разливается яд Клейма Списания? Путь наверх — это не спасение. Это мясорубка, в которой перемалывают не только кости, но и все иллюзии о мироздании.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Марк Шлак
Пищевая вертикаль

Глава 1

Брикет первой категории пах старым железом, рыбьим жиром и жженой соей.

Корв-4 откусил ровно половину, с хрустом перемалывая коренными зубами крупинки кальция и сушеного гематогена. Вязкая бурая масса прилипла к нёбу. Нужно было жевать медленно, пока горький заводской стимулятор не впитается через слизистую и не ударит в затылок коротким горячим импульсом, прогоняя вечную сонливость подземелья.

Подкованные сталью каблуки Корва стояли на решетчатом настиле. Сквозь ромбовидные ячейки под его ногами проглядывало дно Накопителя — бетонный колодец, забитый тремя сотнями людей из ночной смены литейщиков. Оттуда, снизу, сквозь резкую вонь хлорной извести поднимался тяжелый, кислый пар трехсот немытых тел, пропитанных угольной гарью и страхом. Они стояли плечом к плечу, задрав серые лица к мостику, и следили за тем, как Оценщик дожевывает свой паек. Для них этот серый стограммовый брусок в промасленной бумаге был недосягаемой роскошью. Нижним полагалась только жидкая чечевичная баланда с же-

лезным купоросом — ровно столько, чтобы костный мозг продолжал гнать эритроциты, пока человек не свалится у печи.

Корв-4 спрятал вторую половину брикета в карман кожаного фартука, задубевшего от старых пятен, а пустую обертку скомкал и бросил вниз. Бумажка спланировала в толпу. Десяток рук с обломанными черными ногтями тут же метнулись к ней, кто-то глухо рыкнул в давке — счастливчик уже слизывал соленые крошки с вощеной поверхности. Корв заставил себя отвернуться. Еще полгода назад он сам стоял в такой же яме и помнил, как сводит челюсти от запаха чужой еды.

За спиной Корва, выше сортировочного мостика, сухо щелкнул динамик селектора.

Там, под самым потолком цеха, в подвесной бронированной ложе сидел Надсмотрщик Вейл. Сквозь мутное бронестекло было видно, как вампир неторопливо потягивает через стеклянную трубку свой утренний рацион.

Как и все кровососы низшего ранга, поставленные присматривать за шахтами и заводами Отстойника, Вейл был бледен до синевы, сухопар, с узким хрящеватым носом и глазами, скрытыми за темными защитными линзами. Прямо над его будкой в каменный свод пещеры уходила Главная Артерия — исполинская труба в четыре обхвата, по которой насосы каждые шесть секунд толкали добытую внизу кровь наверх, в сияющие чертоги Высших Лордов. Самим же над-

смотрщикам Дна прикасаться к цельному продукту строго запрещалось. Закон распределения был неумолим: вся густая, горячая масса уходила по магистрали на Верхние ярусы, а обслуге из числа низших вампиров доставался лишь вторичный прогон из центрифуг — разбавленная консервантами бледно-розовая плазма. Вейл ненавидел эту безвкусную казенную жижу, вечно страдал от глухого голода и отыгрывался на рабочей смене.

— Время, Четвертый, — прошелестел из динамика голос Вейла. Из-за длинных клыков речь кровососа звучала с легким шипящим присвистом. — Седьмая печь дала недовыработку. Мне нужно сорок кубов плотной массы до полудня. Начинай отсев.

— Понял, господин инспектор, — ровно ответил Корв, не оборачиваясь к стеклу ложи.

Он подошел к пульту отсекателя и снял с магнитного держателя свой главный инструмент — пружинный скарификатор, соединенный гибким кабелем со счетчиком на стене. Тяжелая латунная рукоять холодно легла в ладонь. Каждый прокол этого прибора мгновенно отображался не только на шкале перед Корвом, но и на контрольном табло в будке вампира.

Корв взялся за чугунный рычаг шлюза и с силой потянул его на себя.

Гидравлика взвыла, выбрасывая клубы белого пара. Стальная заслонка внизу поползла вверх, открывая узкий

проход. Толпа в Накопителе качнулась. Задние ряды, подгоняемые дубинками глухонемых загонщиков в прорезиненных плащах, надавили на передних, и людской поток вытолкнул первого рабочего на подъемный пандус, прямо к столу Оценщика.

Это был пожилой литейщик из шлаковой бригады — хотя здесь, на Дне, стариками становились уже к тридцати пяти годам. Левое плечо опухло от старого ожога, веки воспалены, грудная клетка ходит ходуном, со свистом проталкивая воздух сквозь забитые угольной пылью легкие.

— Руку, — коротко бросил Корв.

Рабочий покорно положил на цинковую столешницу грязное предплечье с вздувшимися жгутами вен.

На одного человека по регламенту отводилось двенадцать секунд. Корв прижал сопло скарификатора к подушечке безымянного пальца рабочего и нажал на спуск.

Щелчок. Игла вошла в плоть на три миллиметра и тут же втянулась обратно, набирая в стеклянный капилляр крупную темную каплю. Внутри прибора пискнул оптический датчик. На пульте перед Корвом вспыхнула красная лампа выбраковки. Точно такой же багровый огонек отразился в бронестекле будки Вейла.

Кровь шла медленно. В свете лампы она казалась мутной, с густым буро-серым осадком на стенках стекла. Шлаковый индекс — за двадцать процентов, свертываемость критическая. Поставь такого обратно к раскаленной печи — и его

сердце лопнет через два часа.

Пальцы рабочего судорожно сжали край цинкового стола. Он увидел красный сигнал и все понял. За спиной Оценщика расходились два коридора: левый вел обратно в жилые бараки; правый, обшитый гладким кафелем, уходил под уклон — к вакуумным насосам Выбраковки.

— Четвертый, не списывай… — глухо, срываясь на сиплый кашель, зашептал литейщик. — Я еще смену у печи отстою. Вчера воды в забой вовремя не подвезли, вот она от жары и загустела. Дай до барака дойти, я воды напьюсь, к утру в норму войду…

— Сигнал уже на верхнем пульте, — негромко сказал Корв, опуская ладонь к правому рычагу распределителя. — Не дергайся.

В глазах старика что-то лопнуло — разум захлестнула слепая, животная паника. Когда Корв потянулся к приводу правого рукава, литейщик с коротким хрипом перемахнул грудью через цинковый стол. Он смел локтем стойку с пустыми пробирками и обеими руками вцепился в левый рычаг — тот, что открывал створку в бараки.

— Стой, блокировка! — рявкнул Корв, хватая старика за прожженную робу, чтобы оторвать от пульта.

Но литейщик, вложив в рывок весь остаток жизни, уже успел со скрежетом дернуть рукоять на себя.

Тотчас же автоматика распознала несовпадение: красный сигнал пробника при попытке открыть зеленый шлюз.

Стальная дверь в бараки даже не шелохнулась — вместо этого под сводами цеха оглушительно взвыла сирена тревоги. Красный проблесковый маяк над мостиком ударил по глазам вращающимися полосами света.

Боковые технические двери распахнулись от удара кованых сапог. На мостик ворвались трое младших надсмотрщиков из цеховой охраны — рослые, облаченные в кожаные панцири кровососы с тяжелыми свинцовыми дубинками и электрошоковыми гарпунами наперевес.

Корв резко отступил на шаг к перилам, освобождая сектор. Спорить с охраной во время срабатывания сирены означало лечь рядом.

Первый надсмотрщик с размаху обрушил дубинку на ключицу старика. Раздался глухой хруст. Литейщик вскрикнул, но его сведенные судорогой пальцы так и остались намертво замкнутыми на чугунном рычаге. Второй охранник ткнул старика под ребра трещащим разрядником. В воздухе остро запахло озоном и паленой тканью. Тело рабочего выгнулось дугой, руки наконец разжались, и он мешком рухнул на решетчатый настил,разбив подбородок в кровь.

Один из кровососов жадно втянул ноздрями воздух, уставившись сквозь темные очки на темную лужицу, натекшую из разбитого лица литейщика, но тут же брезгливо скривил губы — слишком много угля и шлака.

Створка правого коридора со свистом ушла в стену, обдав мостик влажным сквозняком и запахом антисептика. Над-

смотрщики подхватили обмякшее, хрипящее тело старика под мышки и волоком потащили вниз по кафельному желобу, в сторону Вакуумного цеха.

Сирена захлебнулась и смолкла. Из динамика селектора раздался раздраженный, шипящий голос Вейла:

— Следи за столом, Четвертый. Еще одна задержка конвейера — и пойдешь за ним следом.

— Принято, господин инспектор, — глухо ответил Корв.

Он вернул левый рычаг в исходное положение, смахнул тряпкой осколки стеклянных пробирок со стола и на секунду коснулся ладонью кармана фартука, где так и осталась лежать нетронутая половина пайкового брикета. Затем нажал кнопку сброса. Использованный капилляр со звоном провалился в бункер, игла промылась струей спирта.

— Следующий! — крикнул Корв в гул турбин.

Конвейер снова пришел в движение. Двенадцать секунд на человека. Щелчок иглы. Капля на просвет. Зеленый — в барак. Зеленый — в барак. Красный — в расход. Корв работал с холодной точностью автомата, пока на сорок седьмой минуте смены главный шлюз внезапно не перекрыли, а из бокового коридора, ведущего от плавильных печей, санитары не выкатили к его столу длинную оцинкованную тележку с «производственным падежом» — телами рабочих, не переживших ночную смену.

Колеса оцинкованной тележки глухо громыхнули по стальному настилу, оставляя за собой влажный бурый след.

Двое глухонемых санитаров в тяжелых прорезиненных фартуках вкатили груз на весовую платформу перед столом Оценщика и защелкнули тормозной башмак.

От тележки тянуло паленой ветошью, остывшим человеческим потом и резкой карболкой. Под жестким брезентовым пологом угадывались очертания четырех тел.

Корв-4 нажал кнопку паузы на главном конвейере. Стальная заслонка перед носом очереди в Накопителе с лязгом опустилась, отсекая живых от мертвых. По регламенту «производственный падеж» полагалось проверять вне очереди: если рабочий рухнул у печи меньше часа назад и кровь в его жилах еще не успела свернуться в студень, тушу отправляли в правый рукав на экстренную промывку — с помощью горячих растворителей из мертвеца еще можно было выжать три-четыре литра технической плазмы. Если же тромбоз уже начался, тела сбрасывали в люк утиля — под ножи костедробилки, перемалывающей плоть в кальциевую муку для пайковых брикетов.

На Дне ни один грамм фосфора или железа не пропадал даром.

Корв взялся за угол брезента и резким движением откинул его к борту тележки.

Крайним справа лежал горновой из старой гвардии — грудная клетка вдавлена сорвавшейся чугунной заслонкой, на запекшихся губах черная пена. Тут все было ясно и без прибора, но инструкция требовала прокола. Корв сменил

тонкую пальцевую насадку скарификатора на длинную трупную иглу — трехгранное жало толщиной с гвоздь, рассчитанное на пробой задубевшей кожи и глубоких вен.

Он вогнал иглу в шею мертвеца, чуть ниже угла челюсти, и нажал клапан вакуумного подсоса. Прибор глухо чавкнул. В стеклянный капилляр втянулся темный, неподвижный сгусток, похожий на черную смородину.

Датчик пискнул. *Свертываемость сто процентов, сырье непригодно.*

— Первого в дробилку, — бросил Корв санитарам и шагнул вдоль тележки ко второму телу.

И тут его рука со скарификатором замерла в воздухе.

Рядом с изувеченным стариком лежали трое парней из недавнего пополнения — широкоплечие двадцатилетние откатчики, которых только неделю назад перевели из верхних штолен. Ни ожогов, ни переломов. Мышцы на руках плотные, грудные клетки чистые, без характерной бочкообразной раздутости силикозников. Такие быки выдерживали у седьмой печи минимум по два года.

Отчего трое самых здоровых парней смены разом сдохли в одну ночь?

Корв наклонился ниже. Кожа на лицах молодых рабочих была странной — не синюшно-багровой, как у тех, кто задохнулся угарным газом у топки, а сухой, восковой, почти прозрачной на скулах. Так выглядят люди после полной кровопотери, но на рваных робах откатчиков не было ни едино-

го пятна крови.

Прищурившись, Корв нащупал пальцами сонную артерию ближайшего парня — вена под кожей казалась странно упругой, словно накачанной водой, — и с силой вогнал в нее трехгранную иглу.

Щелчок. Капилляр мгновенно, под неестественно высоким давлением заполнился бурой жидкостью. Оптический датчик внутри скарификатора коротко мигнул и выдал на пульт красный сигнал.

Шлаковый индекс — тридцать четыре процента, плотность нулевая.

Корв нахмурился и поднес стеклянную трубочку к самому лицу, разглядывая пробу на просвет люминесцентной лампы.

За четыре года на Сортировке он видел тысячи образцов крови — от густого старческого мазута до ярко-красной артериальной струи новичков. Но то, что бултыхалось в капилляре сейчас, вообще не было кровью. Черная взвесь на глазах расслаивалась, оседая на дно стеклянными крупинками, а над ней оставалась мутная, чуть розоватая водичка.

Угольная пыль, размешанная в солевом растворе.

Корв медленно перевел взгляд на тело парня. Платформа под тележкой показывала штатный вес четырех взрослых мужчин — автоматику весового контроля не обманешь, недостачу в пятнадцать литров жидкости датчики заметили бы сразу. Но кто-то забирал этих молодых откатчиков живы-

ми, досуха выкачивал из них по пять литров чистой, еще не отравленной заводами крови, а взамен под давлением загонял в пустые вены дешевый физраствор, замутненный печной сажей. Для грубого оптического датчика такая болтушка выглядела как стопроцентный шлаковый брак: прибор видел черную муть, фиксировал смерть от закупорки сосудов и списывал тело в костедробилку. Концы в воду.

Корв-4 зацепил пальцем ворот робы мертвого парня и резко оттянул ткань вниз, обнажая левую ключицу.

Так и есть. В подключичной ямке, аккуратно замазанной комком заводского солидола, чернела крохотная трехлучевая ранка с ровными, обожженными лазером краями. След медицинского троакара высшей категории. У рабочих в забое такого инструмента не было и быть не могло. Зато такие комплекты стояли в закрытых медотсеках у цехового начальства.

Холодная капля конденсата сорвалась с трубы Главной Артерии и упала Корву прямо за шиворот. Картина сложилась в секунду. Надсмотрщик Вейл, годами сидевший на тощем пайке из вторичной розовой плазмы, устроил на Южном Узле собственную кормушку. Он втайне от Верхних ярусов отбирал самых здоровых молодых рабочих, сцеживал их горячую, цельную кровь для себя или для черного рынка, а обескровленные оболочки накачивал грязной водой и проводил через Сортировку как погибших от угара у печей.

Вор у Высших Лордов. Преступление, за которое сажали

на стальной кол под сводами Артерии — вместе со всеми случайными свидетелями.

За спиной Корва резко, как выстрел, щелкнул тумблер селектора.

— Четвертый, почему встал стол? — Голос Вейла из динамика больше не казался сонным. В нем звенела натянутая струна. Корв кожей спины почувствовал, как вампир в верхней ложе подался вперед, вплотную к бронестеклу, следя за его руками. — Начальник седьмой печи уже подписал акт на падеж. Там угарный тромбоз у всех четверых. Сбрасывай тележку в бункер утиля и открывай шлюз для смены.

Если Корв сейчас повернет голову к стеклу или начнет вбивать в журнал код несоответствия пробы — он не доживет до конца смены. Младшие надсмотрщики все еще стояли за боковой дверью после случая со стариком.

Лицо Корва осталось каменным. Не меняя позы, он опустил край робы, закрывая прокол на ключице мертвеца.

— Клапан на игле забился сгустком, господин инспектор, — ровно, с привычной усталой хрипотцой произнес Корв в микрофон. — Кровь совсем спекшаяся, еле продул трубку. Сейчас сбрасываю.

Одной рукой он нажал кнопку промывки прибора, но прежде чем использованный капилляр с фальшивой кровью провалился в мусоросборник, Корв коротким движением большого пальца перехватил стеклянную трубочку у самого лотка и бесшумно скользнул ею в узкий кармашек для

сменных игл на груди своего фартука. Прямо рядом с оставшейся половинкой пайка.

На Дне компромат был единственной валютой, которая весила больше золота.

— В утиль всех четверых, — скомандовал Корв санитарам и вдавил рычаг напольного люка.

Стальные створки в полу слева от мостика со скрежетом разошлись. Из черной шахты пахнуло горячим костным жиром и аммиаком; где-то глубоко внизу глухо рокотали чугунные валки дробилки. Санитары привычно взялись за поручни тележки, наклонили поддон, и четыре тела с глухим стуком свалились в темноту. Люк захлопнулся.

Вейл в верхней будке молчал еще три долгие секунды. Сквозь гул насосов было слышно лишь, как пощелкивает реле его пульта — вампир проверял, ушла ли запись о списании в общую базу.

— Продолжай отсев, Четвертый, — наконец прошипел динамик. — До конца смены тридцать минут.

Корв выдохнул сквозь зубы, возвращая на скарификатор короткую пальцевую иглу, и уже потянулся к рычагу главного шлюза, чтобы впустить следующего рабочего из Накопителя, как вдруг весь Южный Узел содрогнулся от глухого, утробного удара.

Это была не пульсация Главной Артерии.

Под потолком цеха, правее будки надсмотрщика, где в скальную породу уходила заброшенная вертикальная шахта

аварийного сброса с Верхних ярусов, внезапно взвыли ржавые сервоприводы. Осыпая вековую угольную пыль и куски бетона, массивная бронезаслонка шахты, которую не открывали со времен постройки сектора, со скрежетом поползла в сторону.

Из разверстой пасти сбросной шахты ударило тугой волной теплого воздуха.

Корв-4 невольно отступил на полшага от пульта, прикрывая глаза ладонью от летящей сверху ржавой окалины. За четыре года на мостике он привык, что воздух в Отстойнике всегда имеет один и тот же вкус — мокрой известки, железного купороса и прогорклого машинного масла. Но поток, хлынувший из верхнего раструба, пах чем-то совершенно чужеродным, почти непристойным для Нижнего яруса. Раздавленной зеленью, влажной садовой землей и каким-то тонким, кружащим голову цветочным маслом.

Триста человек в бетонном колодце Накопителя разом стихли, задрав головы к своду. Даже глухонемые санитары у весовой платформы замерли, тупо уставившись наверх.

В глубине вертикальной трубы что-то глухо стукнуло о стальные гасители скорости — раз, другой, третий. Металлические лепестки тормозных мембран внутри шахты с визгом прогнулись, гася инерцию падения с километровой высоты, и из раструба на приемную амортизационную сетку бокового лотка рухнул ком спутанного тряпья вперемешку с мелким мусором.

Сетка из толстого стального троса просела до самого пола, глухо звякнув пружинами, и выбросила в воздух облако золотистой пыльцы.

Корв подошел к боковому ограждению мостика и перегнулся через перила. В двух метрах от его стола, на грубой промасленной ячее приемника валялись обломки другой жизни: расколотый кувшин из тончайшего молочного фарфора, срезанные ветви какого-то кустарника с крупными мясистыми листьями, еще сочащимися прозрачным соком, и ворох ослепительно белой ткани, измазанной трубопроводной сажей.

Белая ткань вдруг судорожно вздрогнула. Из-под нее показалась узкая человеческая ладонь.

Пальцы с чистыми, ровными миндалевидными ногтями, никогда не знавшими ни кайла, ни заводской щелочи, вцепились в ржавую проволоку сетки. Раздался резкий, захлебывающийся вдох — так дышит человек, вынырнувший из ледяной воды, — и ком разорванного шелка зашевелился, пытаясь подняться на четвереньки.

В ту же секунду под цинковым столом Корва, внутри кислотного бункера для отработанных игл, сухо щелкнуло реле автоматического пересчета.

Тридцать секунд ожидания истекли. Инфракрасный луч на дне мусоросборника повторно прощупал раствор и сверил количество упавших стекляшек с журналом проколов скарификатора. На боковой панели пульта, скрытой от глаз

санитаров, но напрямую связанной с верхней ложей, беззвучно замигал желтый диод:

Цикл падежа: 4 забора. В утилизаторе: 3 капилляра. Нарушение целостности проб.

У Корва похолодело под ложечкой. В суматохе со сбросной шахтой он совсем забыл про весовой датчик на дне кислотного стакана.

Он резко поднял взгляд к подвесной будке под потолком.

За мутным бронестеклом больше никого не было. Кресло перед селектором пустовало, а недопитый сифон с бледно-розовой плазмой валялся на полу, опрокинутый в спешке. Зато на внутренней винтовой лестнице, ведущей из верхней ложи прямо на сортировочный мостик, уже грохотали тяжелые кованые каблуки.

Надсмотрщик Вейл спускался вниз лично.

Корв коснулся локтем нагрудного кармашка, где рядом с половинкой пайка лежала стеклянная трубочка с фальшивой кровью. Бежать с мостика было некуда: спереди — трехметровый обрыв в колодец Накопителя, справа — кафельный желоб в Вакуумный цех, слева — стальная дверь охраны, за которой уже слышалась возня младших кровососов.

На приемной сетке лотка шевельнулись снова. Девушка — теперь Корв видел, что это совсем молодая женщина, — откинула с лица спутанную прядь густых темных волос и подняла голову на гул голосов.

Белое шелковое платье на ее плече было разодрано до

ключицы об острые кромки тормозных мембран. По чистой, светящейся в полумраке цеха коже змейкой сбегала тонкая струйка крови. Не бурой, не черной от угольного шлака, к какой привык глаз Оценщика, а неправдоподобно яркой, густо-алой, словно расплавленный рубин.

Капля этой крови сорвалась с её ключицы, ударилась о горячий кожух паропровода под сеткой и мгновенно испарилась с тихим шипением.

По мостику поплыл едва уловимый, сладковатый запах оранжерейной плоти, не знавшей ни страха, ни заводской копоти. Внизу, в яме Накопителя, рабочие продолжали недоуменно перешептываться, ничего не заметив, но за стальной дверью караулки на другом конце мостика вдруг раздался глухой, утробный скулеж — младшие надсмотрщики за переборкой почуяли живой деликатес с Верхних Садов раньше, чем открылся замок.

Девушка встретилась взглядом с Корвом. В её огромных, расширенных от ужаса и темноты глазах не было привычной покорности людей Дна — только дикое, отчаянное непонимание зверя, провалившегося сквозь пол рая прямиком в преисподнюю.

За спиной Корва с лязгом отскочил засов верхней лестницы, и на решетчатый настил мостика шагнул Вейл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.